

О НОВЫХ ИЗДАНИЯХ

Редакция журнала сердечно поздравляет нашего автора, крупнейшего отечественного историка философии и философа, главного научного сотрудника Института философии РАН, доктора философских наук, профессора Нелю Васильевну Мотрошилову с юбилеем!

Н.В. Мотрошилова

МИР МУДРЫХ МЫСЛЕЙ Т.И.ОЙЗЕРМАНА

В творческом наследии Теодора Ильича Ойзермана – поистине необозримом и в силу длительности жизни, и благодаря ее нарастающей, а не убывающей с годами научной продуктивности¹ – небольшая книжечка «Размышления. Изречения» (М., 2013), о коей далее и пойдет речь, занимает особое место. Ее специфика (которую надеюсь подробнее раскрыть в дальнейшем) состоит в нетипичном соединении сжатых теоретических философских выкладок (обобщающего характера) с афористическими, стилистически яркими изречениями. Последние – это запоминающиеся, подчас тонко остроумные, афористические высказывания-формулы и необычные для этого жанра откровенные «Стариковские размышления» (тем более интересные, что ими делится известный человек, который близится к своему 100-летнему юбилею), а также превосходный разделчик «Разные разности», где опять-таки кратко, афористично написано в самом деле о «разном».

Попутно отмечу: несомненный литературный талант Т.И.Ойзермана, нашедший немалочисленные проявления как в его художественных опытах² живых воспоминаниях, так и во всегда незаурядной стилистике его чисто теоретических работ, был бесспорно затребован как раз в этой сравнительно небольшой книге.

Хорошо известно, что популярный жанр афоризмов, представленный в истории мысли, в истории культуры, в литературе, в том числе философской, традиционно привлекал выдающихся литераторов, мыслителей, иными словами, авторов, умудренных достаточно длительным жизненным опытом и владеющих ярким пером. Впрочем, отдельные мысли, формулы, именно «изречения» тех, кто принадлежал к блистательным умам человечества, пусть они были выражены этими авторами также и вне жанра афоризмов, часто становились таковыми. Их выделили как достойные запечатления мыслительные формулы уже их современники и в этом же качестве восприняли потомки. Полагаю, Т.И.Ойзерману удалось включиться в сей ряд – далеко еще не заверченный и открытый для дальнейшего соревнования, во всяком случае в качестве достойного конкурента. Это жанровый

¹ Перу Т.И.Ойзермана принадлежит свыше 600 публикаций, из которых более 250 вышли на иностранных языках – 40 монографий и брошюр, а с 1999 по 2010 годы – 7 монографий и брошюр, все более свободных по мысли, по фундаментальным идеям.

² См.: *Ойзерман Т.И.* «Котельщики» – рассказ // *Философия и история философии. Актуальные проблемы: Сб. ст. к 90-летию Т.И.Ойзермана.* М., 2004. С. 159–172.

ряд, близкий к тому, что получил у нас популярное название «В мире мудрых мыслей». Я и посвящу свой анализ в этой статье соответствующим страницам книги, где приведены многообразные по темам афоризмы – изречения Теодора Ильича³. Надо предупредить еще об одной особенности нижеследующих рассуждений: благодаря импульсам, исходящим от новых работ неумолимого Т.И.Ойзермана, а в частности от обсуждаемой элегантной по мысли и слову книжечки, будут кратко введены некоторые мои размышления, предложения, идеи.

* * *

«Изречения» разбиты на смысловые подразделы. И то обстоятельство, что первый из них озаглавлен «Человек, человечество, человечность», имеет глубокий смысл, причем по содержанию он исторически новый, необычный как раз для современных условий. Изречений тут собрано много (№ 40–200). Понятно, что отозваться на каждое из них – и нереально, и вряд ли целесообразно. Ибо и реакции именно на афоризмы, как правило, сугубо индивидуальны, и обсуждения их не могут не иметь вкусового характера. Выборочно остановлюсь лишь на тех, которые – в моем понимании – обретают также и внеиндивидуальное актуальное звучание.

Мне по душе первое (№ 40) лаконичное, вполне ясное высказывание этого подраздела: «Человек – это звучит гордо? Однако без вопросительного знака это изречение остается не критическим заверением»⁴. Не только полностью согласна, но и считаю «вопросительный знак», поставленный Теодором Ильичем после знаменитой формулы (сжато воспроизведенной в хорошо известном отечественной культуре монологе Сатина из горьковской пьесы «На дне»), удачным обобщением множества сомнений или прямых возражений в адрес прекраснодушных заверений о величии самого звания «человек» и человеческих деяний. А ведь превращение таких противодействий в формулы, одна из которых – в более осторожной вопросительной форме – запечатлена в приведенном изречении Т.И.Ойзермана, заняло целую эпоху.

В России еще в начале XX века гордые утверждения о человеке, продекларированные, скажем, замечательным голосом В.И.Качалова в мхатовской постановке пьесы Горького, выслушивались публикой вполне сочувственно и принимались за чистую монету. Если сомнения и высказывались, то они как бы прятались в маргинальных «складках» мировой культуры и произносились разве тревожными голосами авторов, подобных Ницше. Его же в первые годы XX века дружно изображали – в том числе устами авторитетов российской философии – как «несчастливого» человека, безумием наказанного-де за свою хулу в адрес бога и человека.

Гул совсем уже близкой чудовищной человеческой истории тогда не был слышен. Но катастрофы скоро разразились, и они продолжались, множились... Человечеству потребовалось пережить две самые человекоубий-

³ Что касается историко-философских по своей проблематике изречений Т.И.Ойзермана – не просто крупного историка философии, но и известного теоретика и методолога историко-философского знания, то они требуют специального и специализированного отклика, который перенесен мною в особое эссе, подготовленное для очередного «Историко-философского ежегодника».

⁴ Ойзерман Т.И. Размышления. Изречения. М., 2013. С. 59. Далее номер афоризма и страницы книги указываются в тексте моей статьи.

ственные в истории мировые войны, наиболее разрушительные революции, чтобы возникла мысль по крайней мере о знаке вопроса после формулы, запечатленной Горьким в монологе Сатина.

А что философы? Подлинно великие гораздо раньше ставили под вопрос выпендренно-прекраснодушное человеческое самомнение. Но к началу XX века в философских сочинениях редко вспоминали о том, что уже Кант, создатель нового, совсем не прекраснодушного гуманизма, остроумно-афористично запечатлел его в таком рассуждении: человек (вообще-то) сделан из кривого дерева, и выточить из него нечто прямое вряд ли удастся...

Что касается конкретно идеологии советского времени, то ее лицемерие, восторжествовавшее после разрушительной революции, заключалось в контрасте между гордяческими и бодряческими обертонами (о человеке и человечестве неизменно говорилось высокими словами, в возвышенных тонах) и ежедневным, ежечасным недоверием к отдельным реальным людям, при котором гордость за них, уважение к ним не играли почти никакой роли даже тогда, когда они их все-таки заслуживали.

Существенный вклад в развенчание прекраснодушного, а часто лицемерного, лживого в своих истоках и, как правило, идеологизированного гуманизма сыграла культура, также и отечественная, в конкретных случаях – та же театральная культура, от которой поначалу исходило массовое влияние восхваляющих человека формул.

...Хорошо помню, каким потрясением для меня, моих близких, друзей, коллег была постановка «На дне», осуществленная в советские годы в театре «Современник» Галиной Волчек, выдающимся отечественным театральным режиссером. Контраст с мхатовской интерпретацией, которую мы, как и предшествующие поколения, хорошо знали, был разительным. Великий актер нашего времени Е.Евстигнеев появлялся на сцене, в исторически правдоподобно воссозданной ночлежке, тоже вполне достоверно: пьяный, в разорванной одежде... Этот опустившийся обитатель дна сбивающимся голосом, а в не в «восторженно-качаловском» тоне вел типично российскую пьяную речь о том, что «человек – это звучит гордо». И вообще-то верные слова монолога о том, что человека следует уважать, а не унижать, звучали в таком контексте иначе, чем мы к тому привыкли.

В те годы я и мой муж Ю.Замошкин иногда общались – у нашего общего друга В.Вульфа и (редко) у нас дома – с Г.Волчек. Помню из рассказа Галины Борисовны, что ее подтолкнул к новой трактовке как раз подлинно горьковский и правдивый по зарисовке контраст между «высокими» словами монолога, типичного для полуинтеллигентов-люмпенов, особенно российских, и их реальным – часто придонным – бытием. Еще вспоминаю рассказ Галины Борисовны о том, как советские чиновники-надзиратели от культуры стояли стеной, чтобы удержать прежнюю, а именно выпендренную, «гордую» трактовку и не пропустить неслыханную, неортодоксальную, снижающую пафос сценическую интерпретацию. Галина Борисовна, по ее словам, долго готовилась и на одно из минкультовских совещаний, решающее в вопросе «быть или не быть» спектаклю, притащила пару томов Сочинений В.И.Ленина, где речь весьма критически велась о люмпенах, обитателях «дна» и их «идеологии». Идеологические же надзиратели за культурой обычно не были сведущи по части знания «классиков», их идеологии – и оказались посрамленными. В результате таких боев спектакль состоялся! А ведь это была со стороны новой тогда театральной интеллигенции одна из успешных попыток тоже поставить знак вопроса после тезиса о несомненности-де утверждения: человек – это звучит гордо!

Прав Т.И.Ойзерман, и его правоту доказывают сама история, а также рефлексии над подобными формулами выдающихся мыслителей и талантов человечества: вопросительный знак, поставленный нашим коллегой, здесь вполне уместен. Ибо снижение пафоса в формулах, известных отнюдь не только из текста Горького, предполагает непростой спор. Именно о том, какими подлинными достижениями культуры, разума, науки, свершениями труда огромных масс отдельных людей, а в конечном счете и человечества как целого нельзя не гордиться. Но также и о том, что многие деяния, результаты истории применительно к прошлому, настоящему и будущему не только не оправдывают гордыню, но заставляют, в соответствии с исходными требованиями христианства, ее смирять, постоянно памятуя о чудовищности реальных результатов действий и отдельных людей и – увы! – всего человечества...

* * *

С начальным афоризмом хочу соотнести целую группу последующих изречений Теодора Ильича, общая тема которых – безоговорочная вера в прогресс знания, науки как залог неудержимого-де прогресса человечества. А с ними связаны и обсуждаемые в книге общие философские дискуссии о познаваемости – или непознаваемости? – мира. В жизненном мире человечества такие мудреные споры объединялись с распространенными еще «недавно» (и подчас усиленно насаждаемыми) прогрессистскими надеждами на то, что науке и разуму под силу – не сегодня, так в близком будущем – успешно решить чуть ли не все большие проблемы отдельных людей и человечества как целого.

Припоминая исторический процесс развития наук, а также параллельного становления философских учений о познании, включая познание научное, можно поставить вопрос: когда именно отдельные мыслители-идеологи почерпнули из глубин научного самоопределения и самопознания, а потом в немалой степени заразили саму науку и жизненный мир сциентистской гордыней; когда в науке и вне ее многие люди и целые поколения поверили в то, что через мощный прогресс науки будто бы удастся навсегда разрешить коренные социальные пороки – такие, как высокая смертность и болезни, бедность, нужда, социальное расслоение, раздоры и разрушительные войны и т. п.? Скорее всего, это еще не произошло в первые века Возрождения и Нового времени. Ведь возросшие надежды тех времен, смелые, иногда уже «сциентистские», т. е. возводимые к развитию науки, утопии постоянно соседствовали с критикой «призраков» и предрассудков, неминуемо порождаемых в ходе человеческого познания, в том числе научного. Возможно, всплеск познавательно-научного прогрессизма стал сильным и заметным в XIX веке, относительно «благополучном» в сравнении с предшествующими столетиями истории человечества, наполненными разрушительными катаклизмами.

К рассмотренной ранее проблематике примыкает один из наиболее убедительных и одновременно парадоксальных по мысли блоков изречений Т.И.Ойзермана – тот, что озаглавлен словами «Познание, наука, научно-технический прогресс», а также совсем небольшой разделчик «Антитеза пессимизма и оптимизма».

Не секрет, что идеология советского времени как бы по определению должна была препятствовать проникновению в комплекс ценностных устоев, рекомендуемых к общеобязательному усвоению, повторению и заучиванию

любых воззрений, сколько-нибудь зараженных пессимизмом, отчаянием, неверием в обеспеченный-де прогресс познания, особенно научного, а вследствие этого – и в якобы гарантированное светлое будущее. И ведь не только в советской России, но и в других странах, которые намеревались и обещали построить социализм, царила, а иной раз свирепствовала идеология, которой изначально полагалось быть бодряческой, сциентистской, прогрессистской.

В свете подобных социальных реалий и установок сознания (последние далеко еще не преодолены) названные выше блоки изречений Т.И.Ойзермана можно рассматривать как идейно-ценностный расчет с некоторыми решающими идеологическими «символами веры» не такого уж давнего, в масштабах истории, прошлого. Имеющиеся в этих блоках размежевания основаны и на современных теоретических рассуждениях нашего коллеги, высокопрофессионального философа, и на тех наблюдениях с позиций здравого смысла, которыми не может пренебрегать философский разум. (Видимо, имел место также и непростой пересмотр – на склоне лет – некоторых собственных формулировок, высказываний в духе «ритуальных формул», без коих были немислимы какие-либо самостоятельные теоретические действия для тех людей, что начинали свой философский путь при суровом идеологическом морозе, задолго до всяческих «оттепелей». Об этом пересмотре – в конце статьи.)

Общее содержание и главные акценты разбираемых блоков изречений Т.И.Ойзермана основаны, таким образом, уже на сегодняшнем объединении того более взвешенного, идеологически неконъюнктурного подхода к философским установкам и идеям прошлого, отдаленного и недавнего, с помощью которого ответственная современная мысль (и не только в нашей стране) практически выполняет вверенную ей новую миссию. Последняя заключается в выработке существенно обновленных совокупных установок, индивидуальных и коллективных, применительно к науке, научному познанию, познанию как таковому. А необходимые предварительные шаги на этом пути не могут не состоять в *критическом преодолении ряда еще недавно влиятельных убеждений, надежд, уверенностей, заблуждений* – например, веры в то, что может иметь место безудержное, не только прогрессирующее, но всегда заведомо прогрессивное для человека и человечества, чуть ли на автоматически благоприятное развитие знания и познания, особенно научного.

Не разбирая подробно подобные передержки, увлечения, как будто бы невинные или просто «высокие», Теодор Ильич считает их несостоятельными, а потому не оправдавшимися. Почему же?

Философ напоминает прежде всего о предупреждающих идеях, вовсе не новых для истории мысли, но как-то позабытых в имевших место еще недавно идеологемах безудержного и безоглядного прогрессизма, в том числе в его сциентистских выражениях. Им он противопоставляет достаточно простые соображения и размышления, справедливость которых может понять и подтвердить также и непредубежденный здравый смысл.

«История познания – непрерывное умножение знания и столь же непрерывное обнаружение неизвестного, непознанного и даже непознаваемого» (№ 212. С. 114).

И далее: «Если всякое знание есть лишь знание о некоторой части, фрагменте целого и его познание не полно, ограничено без познания целого, познание которого невозможно без познания составляющих его частей, то кто же осмелится утверждать, что *все* в принципе познаваемо» (№ 213. С. 114). Но ведь философы, естествоиспытатели прошлого и настоящего, напомню я,

на такие прогрессистские утверждения-постулаты как раз «осмеливались». И не в противовес ли этой издавна закрепившейся и не исчезающей сегодня «смелости» Иммануил Кант выдвинул сдерживающий эвристическую гордыню постулат о «вещи самой по себе» (*Ding an sich selbst*) – как идею о никогда не достигаемом «полном», «исчерпывающем» знании вообще обо всех «вещах», что существуют *сами по себе*, вне нас?

Нет возможности приводить или пересказывать все весьма любопытные, иногда неожиданные изречения Т.И.Ойзермана о существовании и сохранении *принципиально непознаваемого в ходе человеческого познания*. (Да в том и нет нужды: в конце концов, книга – в распоряжении читателей.) Но необходимо, думаю, подчеркнуть их непростое, неоднозначное общее теоретическое и практическое значение именно для современных условий.

Действительная современная ситуация противоречива, даже парадоксальна, чем и трудна для практического регулирования. С одной стороны, уверенность (и не только ученых) в том, что наука способна добывать истинное, достоверное, проверяемое, подтверждаемое, полезное для практики, для человечества знание, коренным образом необходима для развития и науки, и всего общества. Она нужна прежде всего науке и ученым, неотъемлема от их творческой, исследовательской деятельности и потому издавна внедрена в число главных норм науки. Нормы науки не случайно, оправданно и функционально для исследовательской деятельности нацеливают ученых на постоянное добывание тружениками науки всех специальностей и рангов (объединенных в научные сообщества в глобально-историческом, intersубъективном значении этих слов), а также на сообщение и обобщение проверяемых, доказуемых научных знаний, которые бывают положены в основу дальнейших научных исследований. Общая ориентация на то, что сумма этих знаний получена не просто для удовлетворения любознательности ученых, но во имя человека и человечества, что она обретает разные формы практической реализации, помогает разрешению жизненных проблем людей – такая ориентация тоже необходима как науке, так и обществу, потому она тоже закрепляется в научном этосе⁵. С другой стороны, оправдано множество горьких замечаний о значительных издержках всякого (якобы) основанного на науке высокомерия, как и относительно неисполненных, от имени науки провозглашенных обещаний и претензий. Их общим обозначением может служить модный в XX веке «сциентизм», критику которого в разбираемых текстах Т.И.Ойзермана, как и других авторов, сегодня нельзя не воспринимать – таково мое глубокое убеждение – как сигнал к пониманию того, сколь нужны современному обществу новые, взвешенные общеобязательные подходы к проблематике «прогресса» науки и техники. Это должны быть согласованные подходы, выведенные не только из реальных научных достижений, но и из печального опыта самых трагических событий, явлений XX и XXI веков (атомные бомбардировки, создание химического и биологического оружия, да и вообще начавшаяся гонка всех невиданно опасных видов новейших вооружений и поражающих средств, экологические и многие другие катастрофы). Если скажут: ведь все это не сама наука, а ее пагубное использование, можно в ответ привести, во-первых, немало аргументов и доказательств того, что многие лучшие ученые, научные коллективы и учреждения, и как раз из наиболее продвинутых областей, были и остаются вовлеченными в процессы и структуры создания технических средств, не просто опасных, но поистине

⁵ См.: Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М., 2012. С. 160–168.

губительных для человека, человечества, планеты Земля. А, во-вторых, подтвердить: да, в самой науке и вокруг нее, вокруг сфер познания и знания и в связи с ними завязываются узлы социально-исторических структур и отношений, которые все более глубоким образом и подчас негативно воздействуют на жизнь человека, на судьбу человечества.

Одной из линий кардинального пересмотра сложившейся практики отношений отдельных людей, объединений стран, союзов государств к развитию знаний, особенно научных, как раз и должен стать тот новый сдержанный, здравый, ответственный подход к пониманию (даже и современных) *возможностей* знания, науки, который учитывает также и некоторые кардинальные, *трансторические неспособности, постоянные ограниченности человеческого познания, включая познание научное*. Это также такие исходные ограниченности, которые связаны, по моему мнению, *не только и не столько* с различиями исторических периодов или социальных систем, а с *общебытийными характеристиками человеческого мира* и человеческого знания, сохраняющимися во все времена. В самом деле, ведь в поле науки тоже существуют бытийные (зависящие от бытия, значит, от ограниченных возможностей познания и отдельного человека, и человечества как целого) негативные определенности (The Human Condition, выражаясь словами Х.Арендт). И ведь они навсегда останутся таковыми. Даже самые мощные взлеты познания не меняют сути процессов научного познания с их неизбежными, ибо бытийными, ограниченностями.

Сделаю оговорку: Теодор Ильич не применяет этих (бытийных) терминов; тут я ввожу свои формулировки. Но по сути Т.И.Ойзерман, полагаю, говорит именно о них (хотя в иных словах и терминах), имея в виду, например, развитие науки как «целесообразный исследовательский процесс, результаты которого остаются неизвестными, пока они не достигнуты. Иначе говоря, исследователь стремится добыть новые знания, но каково их содержание и значение, он может постигнуть лишь после того, как эти знания уже приобретены» (№ 220. С. 120). И нередко, добавлю, после того, как они бывают опредмечены в технических средствах, нередко смертельно опасных.

Сказанное выше, полагаю, не просто верно, но элементарно, даже банально верно. Тем более, что сюда, в это поле осложнений и трудностей, надо отнести также эффекты немалого числа конкретных социальных механизмов, способствующих сокрытию от других ученых, от более широкого сообщества совокупного смысла, в том числе, даже прежде всего, опасности уже добытых знаний – приложенных и могущих быть приложенными к соответствующим губительным для человечества средствам и т. п. Здесь объединяются всегда и в принципе неполное знание самих ученых об «эффектах» добытых ими знаний и методов (о чем пишет Т.И.Ойзерман как о невозполнимой – бытийной в моем понимании – особенности развития науки) и уже имеющиеся знания о возможных угрозах, которыми вовлеченные в социально значимые решения правящие индивиды, группы, включая некоторых ангажированных ученых, повсеместно пренебрегают. Словом, механизмы реального сдерживания в случаях восприятия и тем более использования неполного, недостоверного, даже опасного знания человеческое общество пока не научилось отлаживать и приводить в действие – как применительно к воздействиям на природу, так и в отношении технических, а также социальных процессов самого разного рода. Отсюда – необходимость всего того, о чем часто и говорит, на языке афористики, Т.И.Ойзерман в рассматриваемой части его книги. Итак, настоятельно нужны новые разработки самого

разного характера, о которых в краткой книжечке афоризмов не могла идти речь сколько-нибудь подробно. Проблемы множатся, теснятся – они трудные и неотложные. Например, при формулированиях нормативного этоса науки до сих пор даже не ставилась и не ставится перед учеными такая задача – на основе интернационально-коллективных согласований не предпринимать развертывания тех новейших исследований (скажем, в области новейших вооружений, изменения генетики человека, роковых климатических изменений и т. п.), которые грозят гибелью человеческому роду и планете Земля. Подобных норм пока нет в нынешнем составе норм науки, хотя беспокойство ученых налицо⁶.

Вводить их настоятельно необходимо, и уже «сегодня».

* * *

Небезобидные «увлечения» идейного характера, связанные с переоценкой характера и роли прогресса знания, сказались не только в научных областях, имевших прямое отношение к самой разнообразной технике, создавание и создание которой отнюдь неоднозначно сказывалось на человеческой жизни и истории.

Не подтвердившиеся и не подтверждающиеся предположения-обещания о чудодейственных-де возможностях знания, прежде всего научного, питали столь характерный для человеческой истории *социальный утопизм*. Его оценивающее рассмотрение в афоризмах-изречениях Т.И.Ойзермана тоже представляет интерес.

Вот что он пишет об утопическом восприятии и использовании знаний: «Социалисты-утописты, так же как и коммунисты-утописты, не осознавали, что предвидение отдаленного будущего человечества принципиально невозможно» (№ 216. С. 117). Утверждение сильное, категорическое. Оно, обратите внимание, относится не к (иногда сбывающимся) суждениям о достаточно близких процессах, событиях, но именно к «отдаленному будущему человечества». И все-таки относительную пользу утопий Т.И.Ойзерман видит – и неожиданно – в том, что они «служат серьезнейшим предостережением против некритического, слепого поклонения научно-техническому прогрессу» (№ 215. С. 117). К тому же утопий вряд ли возможно избежать, да и не следует к этому стремиться, полагает Т.И.Ойзерман. Ибо через утопии выражается не некая правда о будущем, а «вековечные мечты», в том числе о ведущих только к счастью научно-технических достижениях (С. 116). А они имеют свое право на существование. Другое дело, что такого полного «счастья», и только счастья, не было, не будет нигде и никогда. Иными словами, вопреки «реализму» жизни утопии непреодолимы, о чем убедительно свидетельствует история человечества. Утопии рождаются даже в недрах строгой науки! «Науки также, – напоминает Теодор Ильич, – включают в себя утопическое видение» (№ 14. С. 30). Оно имело место, например, тогда, когда геометрию Эвклида считали единственно возможной геометрией. «А разве не было утопией стремление создать *perpetum mobile*?». Но едва сказав: «утопии вдохновляют людей на борьбу за лучшее будущее», Теодор Ильич мудро добавляет: «Но нет ничего худшего, чем реализованная, претворенная в жизнь утопия» (там же). Что же касается эвристически-служебного, так сказать, значения

⁶ См. там же раздел «Историческая потребность в “неклассической” социологии науки». С. 210–213.

утопий, то их полезно изучать, полагает Теодор Ильич, как проявление «разумных вымыслов», «изобретений разума», «проекций в отдаленное будущее человеческих способностей и потребностей» (там же).

Общий вывод Теодора Ильича о заблуждениях, иллюзиях, необоснованных надеждах, связанных с действительным усилением роли и значения познания, с разрастанием индустрии знаний состоит в правильных, мудрых предостережениях. А именно: необоснованные претензии, завышенные амбиции – и не столько самой науки, самих ученых, сколько «сциентистской» идеологии – будучи помноженными (здесь – парадокс!) «на бессилие человечества перед собственной грандиозной мощью», – эти претензии и амбиции отнюдь не безобидны. Они не могут быть просто расценены как вполне извинительные «высокие заблуждения». Ибо они причастны, по оценкам Т.И.Ойзермана, к страшным бедствиям человеческой истории, например к экологической катастрофе. «Не является ли одной из главных причин современного экологического кризиса, – пишет Теодор Ильич, – присущая человечеству *mania grandiosa*, которую иной раз называют фаустовским духом и прометеизмом?» (№ 283. С. 135). Приходится оставить в стороне очень интересные актуальные добавления Т.И.Ойзермана к современной философии природы, где он обоснованно призывает повысить уважение, внимание к самостоятельности, не просто к исходному значению природы для человеческих свершений, но и, скажем так, развить умение учитывать неизбежность ее «мести» человечеству за пренебрежение ее исходным статусом, за «насилие» над природой. Что это верно и что за безудержную человеческую агрессию по отношению к природе приходится расплачиваться уже сегодня, вполне ясно.

* * *

В заключение, как и было обещано, скажу о самопересмотре, который Т.И.Ойзерман в последнее десятилетие, и в действительно почтенном возрасте, осуществил столь масштабно, глубинно, содержательно, что у доброжелательных людей это вызвало удивление и уважение.

Одно признание Теодора Ильича из его «Стариковских размышлений» поражает своей честностью и ответственностью: «Вспоминая свое многолетнее прошлое, я часто осознаю, что многое из того, что было мною сделано, написано, опубликовано, было совсем не таким, как должно. И хотя я сейчас живу, пишу и печатаю то, что *перечеркивает прежнее, ошибочное, догматически марксистское*, оно все равно остается моим наследием. Прошлое неустранимо» (№ 388. С. 172. Курсив мой. – Н.М.). Поверим автору в его самооценке, тем более что многие люди его поколения и поколений следующих не торопились проделать столь фундаментальную самокорректировку и тем более решиться на подобные признания. А Т.И.Ойзерман, увенчанный высокими для ученого степенями, званиями, премиями и заслуживший широкое международное признание (более 250 международных публикаций!), – так вот, ученый, философ столь высокого ранга решился на упомянутую достаточно глубинную корректировку ряда линий, акцентов своих прежних, в советское время написанных работ.

Среди его исследований последних лет – удивительно четкие и, действительно, в существенной мере самокорректирующие книги и статьи, коих набралось достаточно много (это, например, объемные монографии «Марксизм и утопизм», «Оправдание ревизионизма», «Кант и Гегель» и т. д.).

Т.И.Ойзерман в самом деле пересмотрел некоторые линии, даже отдельные фундаментальные предпосылки и выводы своих прежних, советского времени, теоретических и критических усилий. Ему, конечно, повезло в том, что поразительными, завидно плодотворными оказались для него годы, наступившие уже после его 80-летия. Теодор Ильич пребывал в сравнительно неплохом для своего возраста здравии – и, главное, по-прежнему при ясном, твердом уме и хорошей памяти. К тому же это было время – хотя и неоднозначное, противоречивое (с тенденциями все более неблагоприятными для науки, в частности, для философии), но куда более свободное для отдельных личностей – свободное от идеологического и всякого другого принуждения. А для самого Теодора Ильича оно принесло свободу от каких-либо служебных, административных и т. п. обязанностей. Можно было целиком отдаться именно работе мысли. Об этих предпосылках сам Т.И.Ойзерман сказал в своей книге просто и ясно: «В 1986 г. я стал советником РАН, т. е. фактически освободился от всех обязанностей, кроме исследовательской работы. Это сделало мои исследования еще более интенсивными...» (С. 8). О чем и свидетельствуют новые книги, статьи – а именно их поворотные (в ряде случаев критичные по отношению к прежним взглядам) идеи и методы.

* * *

Когда в 2013 году я поздравляла Теодора Ильича с 99-летием, он с грустным остроумием заметил, что в тот год был последний шанс поздравить его с датой жизни, состоящей из двух цифр. Хочется пожелать ему и нам, чтобы были трехзначные цифры и чтобы мы сами смогли принести Теодору Ильичу поздравления уже по этому поводу. А вот тут уместно привести интересные и поучительные, как я думаю, афоризмы Т.И.Ойзермана из раздела «Стариковские размышления» – размышления именно о старости. Некоторые изречения могут показаться нестарым и тем более совсем молодым людям не просто неутешительными, но и вызывающими в лучшем случае сострадание, а в худшем – брезгливое отношение к старикам и старости. И все же обратите на них внимание. Ведь они – исповедальные признания старых людей, все еще способных и к творчеству, и к саморефлексии. «Люди, – пишет Т.И.Ойзерман, – стареют по-разному. Но и у тех, которые в порядке исключения достигли этой снежной вершины, каждый новый год равнозначен двум, а то и трем годам. В старости жить трудно. Сама старость – большая трудность и, конечно, непреодолимая» (№ 362. С. 165). Да, годы старости весьма нелегки.

И все же у старости есть свои преимущества, о которых тоже исповедально пишет Теодор Ильич: «Старость отличается от молодости не только тем, что она утратила, но и тем, что она приобрела, т. е. тем, что совершенно недоступно молодым» (№ 374. С. 168). Или: «Старость – прекрасная, но слишком краткая пора человеческой жизни» (№ 397. С. 175). В несколько других словах ту же мысль выразил классик немецкой философии Норберт Хинске в таком своем афоризме: «Старость, несмотря ни на что, в высшей степени интересная фаза жизни, полная поздних прозрений и тайных взлетов; жаль только, что сначала всего этого приходится так долго дожидаться; а потом жизнь, по-видимому, заканчивается слишком быстро»⁷. Подтверждаю: все верно...

⁷ Хинске Н. Между просвещением и критикой разума. Без примечаний: афоризмы. М., 2007. С. 208.